

1.

До 40-летия Победы как-то совсем редко говорили в деревне о войне, о тех, кто воевал, хотя деревянный памятник с красной звездой у клуба стоял. Сделал его *Фёдор Васильевич Опарин*, наш учитель-трудовик, который никогда нам, ученикам, не рассказывал, что он сам участник Великой Отечественной войны. В День 9 Мая приходили к памятнику, клали вербочки, бумажные цветы, которые делали сами, и снова никто не рассказывал нам, детям, о погибших жемлахтинцах, никто и не знал, сколько их ушло на войну из сибирской деревни с необычным названием Жемлахты.

В этот период моей жизни у меня уже был небольшой опыт работы с моими родителями, которые иногда очень скромно после родительского собрания заходили к директору «поговорить за жизнь». И это было для меня счастьем — послушать малозначимую жизнь простого человека в истории страны. Наслушавшись горестных историй этих людей, понимала, что жизнь этих людей, моих односельчан, чрезвычайно значима, что незначимых жизней нет. Они пережили такую войну! Да и не только. И нет числа тому замечательному человеческому опыту, который могли бы передать мои собеседники молодому поколению. Я ходила в гости к людям, которым было что сказать, я записывала их жизнь. Особенно ценны были воспоминания свидетелей войны, послевоенного времени, тех, кому осталось не так долго быть на земле. Это были мои Учителя на всю оставшуюся жизнь! Моя мама на каждую неделю выдавала мне «дорожную карту» встречи с человеком, которого я должна услышать. Так собралось несколько рассказов, которые вошли в книжку для чтения «Есть память священная в каждой семье». Оформить эту книгу мне помогла Раиса Николаевна Мазная, руководитель районного социально значимого проекта «Бессмертный полк». К 75-летию Победы напечатала свою книгу в городе Абакане, в типографии «Март», и вручила на память всем своим односельчанам, кто дожил до этой даты.

Я знаю, что сегодняшние дети читают мало, но книга эта не только для детей. Она для всех. Может, кто-нибудь когда-нибудь найдёт её на полках

школьной библиотеки. Для пытливого ума это будет огромная ценность.

2.

Бегут годы. Как одно мгновение пролетело двадцать пять лет после 40-летия Победы. Признаюсь, не так уж часто приходила я к скромному обелиску воинам-односельчанам, открытому как раз к 40-летию Победы. Всё откладывала: зимой — пока ослабнут морозы или уймётся метель, весной — пока подсохнет да подойдёт праздник 9 Мая... И вот как-то на глаза попал рассказ В. Лидина «Завет». И так растревожил душу. После этого рассказа меня уже не умиротворяла благодать природы, а только угнетала и злила. Я опаздывала, я обвиняла себя в застаревшей лени, в душевной чёрствости. Никакие доводы в пользу чрезмерной занятости не казались мне уважительными. С такой медвежьей неповоротливостью недолго до конца прожить отпущенные тебе годы, ничего не сделав из того, что можно. Пропавши пропадом тщетная суета ради ненасытного благополучия, если из-за него остаётся в стороне нечто куда более важное. Ведь это только кажется, что твоя жизнь обособлена, направлена по индивидуальному житейскому руслу. На самом же деле если она и наполняется чем-то значительным, так это прежде всего разумная человеческая доброта и забота о других близких или даже далёких тебе людях, которые нуждаются в этой заботе.

Могли ли мои ученики принести в стужу и зной, метель и дождь к дорожному обелиску скромную веточку сосны или распутившуюся вербу? Конечно, могли, но они тоже спешили вместе со своей учительницей вперёд, упуская главное — не забывать тех, благодаря кому ты живёшь сегодня на земле.

А вы? Часто ли вы подходите к обелиску или памятнику в своём селе, часто ли просто вместе с друзьями или детьми стоите в тишине? Или тоже ждёте праздник?

Рассказ «Завет» прочитала моей Ольге. И вскоре та убежала с венком и пол-литровой баночкой к подружкам. А двадцатого апреля вокруг обелиска всё сияло, стояли букетики бархатных верб и сосновых веточек.

Иван Фомич Халевин

Семён Васильевич Смолькин

С. В. Смолькин с семьёй

Годы, годы! Они бегут, как речка Оя, над которой стоит обелиск. И всё меньше живых ветеранов могут поклониться святому месту. Они уходят из жизни. Время подходит. Да и раны, страдания, вынесенные после войны.

Вместе с ребятами останавливаемся возле каждого дома с красной звёздочкой. Опустели дома ветеранов, ушли защитники Отечества в мир иной. Вот осиротевший дом героя Курской дуги Осокина Алексея Федотовича. Мы стоим у дома ветерана войны Дьякова Степана Илларионовича. Вспоминаю неумность характера этого человека. Когда бы ни пригласили его ребята в школу, всегда с удовольствием шёл. Война унесла здоровье Виктора Константиновича Петухова, Смолькина Семёна Васильевича, Фефелова Ульяна Ивановича, а домики их стоят, и красные звёзды не убираем. Пусть все знают, что здесь жил Александр Абрамович Орлов, защитник Ленинграда. В блокадные дни водил свою полуторку через Ладожское озеро, чтобы спасти умирающих от голода детей. И в мирное время всю оставшуюся жизнь не расставался с баранкой. За работой и умер.

Красные звёзды... Они и на одном конце деревни, и на другом, и на улице Горной, и в центре села, и в сердце твоём и моём. Не проходите мимо них, люди, загляните в гости к ветерану войны, спросите о его здоровье, и вы увидите, как затеплятся глаза стариков. Внимание-то кому не дорого?

Не ждите праздника: в метель и зной, в дождь и снег постоите у скромного обелиска, постоите с друзьями или семьёй, придите сюда, когда у вас нелады с совестью или праздник на душе, с цветком или веточкой вербы. Придите.

3.

Родился Иван Фомич Халевин в деревне Жерлык Минусинского уезда. Окончив Минусинское педагогическое училище, работал учителем неполной средней школы в селе Жеблахты Ермаковского района. Когда началась Великая Отечественная война, Иван был призван в ряды Красной Армии и направлен на Дальневосточный фронт, в Приморскую группу

войск. В 1942 году окончил 2-е Владивостокское военно-пехотное училище и в звании лейтенанта назначен командиром пулемётного взвода 253-го отдельного пулемётно-артиллерийского батальона 113-го укрепрайона. Во время войны с Японией старший лейтенант Халевин участвовал в Маньчжурской наступательной операции, освобождал Восточную Маньжурию и Северную Корею. В боях за взятие портовых городов Сейсин и Расин был тяжело ранен. Награждён двумя орденами Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

В 1955 году майор Халевин закончил службу в должности начальника разведки полка и замначальника штаба полка. Окончил Абаканский пединститут. Долгое время работал директором Салбинской восьмилетней школы, а потом директором Жеблахтинской школы. Там, где руководил школой И. Ф. Халевин, учителя обретали второе дыхание. Он умел создать особый оптимистический духовный микроклимат в школе. Как учитель, помогал ученикам быстрее и глубже, ярче раскрывать всё лучшее, что дала им природа и родители. В память о заслугах перед народным образованием Ермаковского и Шушенского районов в 1971 году Иван Фомич Халевин получил орден «Знак Почёта».

4.

1936 год. По селу Казанцево с шумом, весельем несётся по улицам свадебный поезд. На первой тройке сидит молодой бравый парень, а рядом — его невеста, красавица Маруся. Отшумела свадьба, и молодые Смолькины, Семён да Мария, переехали в соседнее село Минзот. Работали в колхозе, растили двоих детей, а в 1939 году забрали Семёна Васильевича в армию. Старшенькой, Любе, было три года, а младшенькой — один год. Ждали возвращения отца, мужа домой, но грянула война. «Пришла беда — отвория ворота».

Война застала Семёна в Томске. Оттуда — и на передовую. Воевал в 359-м артиллерийском полку. Был ранен, контужен... А дома ждали весточку.

Не спала жена ночами, соскакивала на каждый шорох и забывалась только на тяжёлой колхозной работе да с детьми малыми. А жить надо. Косила хлеб, вязала снопы, конюшила. Девять месяцев не было известий. Побежит Маруся к тётке Валентине, не вытерпит, бросит та на карты и успокоит: «Живой твой Семён, живой, но пораненный». Сердце чуть успокоится — и снова ждёт любимого. Но карты Валентины сказали правду. Пришла, наконец, весточка от Семёна. Лежал её суженый в Москве, в госпитале имени Пирогова, со сквозным пулевым ранением в голову. Когда пришёл в себя, сразу попросил соседа по койке отписать домой.

В конце 1944 года эвакуировали в город Казань и комиссовали по ранению. После контузии приключилась болезнь. Так в 1944 году вернулся солдат Смолькин Семён Васильевич с войны.

А в колхозе одни бабы, да старики, да ребятишки-подростки. Назначили бригадиром тракторной бригады. Работал с раннего утра до поздней ночи. Дома бывал совсем редко, но для Маруси счастье уже было то, что Семён вернулся живым. Любил носить чёрную шинель, комсоставские брюки с лампасами, и за это всё в шутку называли Семёна «генералом».

А жизнь шла. Подрастали дети. Родилось ещё трое. В 1951 году семья переехала в Жеблахты, Ермаковского района. Мария теперь пекла хлеб в колхоз и в ясли. Пожалуй, никто в деревне не пёк таких высоких душистых булок, как она. А растил и убирал этот хлеб её Сеня. С детских лет прикипел он к этой земле. И детям своим малым, сыновьям старшим, Ивану и Михаилу, прививал любовь к ней. В жаркий знойный полдень несли они обед в поле. И обязательно квас — резкий, холодный. Пока ел отец нехитрый крестьянский обед, они, обступив его, с нетерпением ждали: «Тягька, а тягька, покатай на комбайне». Ванюшка с Мишкой стояли у штурвала около бати, а младших сажали в бункер. И не было счастливей их на всём белом свете. Не раз колхоз отмечал заслуги Семёна Васильевича в работе. Грамоты вручали, денежные премии к празднику, а однажды дали патефон. Это же какая радость была, какое богатство! Вечером вся семья и соседи слушали пластинки. И теперь каждый день собирались девчата и парни около дома Смолькиных послушать музыку.

Выросли и повзрослели дети. Их в семье Семёна Васильевича и Марии Фёдоровны было восемь. Накормить и обстирать только чего стоило! Но Мария Фёдоровна успевала всё. Жили дружно, весело. Острый на язык Семён и весёлая, под стать ему, Маруся — в шутке да прибаутке не было равных ей. Унаследовали эту удивительную весёлость, находчивость Михаил, Иван и Надя. Старшая, Люба, вскоре уезжает в Норильск, Нина устраивает свою семейную жизнь с парнем из деревни Корнилово,

Иван, закончив школу, служит в Костроме, там и находит своё счастье. Вера и Василий прижились в Шушенском, а Миша и Николай стали настоящими хлеборобами и остались жить в родной деревне.

В счастливый дом Смолькиных съезжаются летом под отцовский кров дети с семьями. Такой большой дружной семьёй раньше убирали сено за один день, а вечером собирались все вместе за родительским столом и пели песни. Двух комнат теперь уже не хватало, столы устанавливали во дворе, и до поздней ночи слышны были по селу старинные задушевные песни и частушки.

Сяду я на лавочку
За убранный стол,
Посмотрю в окошечко,
Ой, по улице вдоль.

Вдоль да вдоль по улице
Казаки идут,
Казаки-казаченьки,
Ой, коников ведут.

Казаки-казаченьки
Коников ведут.
Сяду я на коника,
Ой, покатаюся.

Сяду я на коника,
Покатаюся,
Со своей зазнобою,
Ой, распрощаюся.

И не успевала песня закончиться, как начинались частушки. Знала их Мария Фёдоровна великое множество. Любил повеселиться и Семён Васильевич, померяться силой с сыновьями, пока не разгонит мать и не отправит всех спать.

Тридцать шесть лет отдал земле Семён Васильевич Смолькин. Тридцать шесть лет изо дня в день, в мороз и зной, в дождь и снег, приходил хлебороб к земле-матушке, как к своей любимой. Лелеял её: весной пахал, культивировал, потом сеял, потом убирал. Это были самые счастливые дни его жизни. И когда Семён Васильевич ушёл на пенсию, он ещё долго ходил в гараж на планёрку, чтобы посидеть с мужиками, перекинуться острым словечком, почувствовать себя членом этого коллектива, этих мужиков, которые от звонка до звонка будут приходить сюда, чтобы получить разнарядку и выехать в поле.

Семён Васильевич Смолькин прожил большую, трудную, но интересную жизнь. И всю жизнь работал в колхозе механизатором, а потом агрономом его самый младшенький — Николай. Большеглазый, с мягкой и доброй улыбочкой, прикипевший навеки к земле жеблахтинской. На этой земле до пенсии проработал старший сын Михаил. Здесь, в Жеблахтах, работала художественным руководителем дочь Смолькиных — Надежда Семёновна

Бесхмельница, певунья и шутница на всё село. Не будь Смолькиных в Жеблахтах, то и село не было бы таким радостным, а так вроде род Смолькиных — как основа Жеблахтов.

5.

Фёдор Васильевич Опарин родился в 1922 году в Марийской республике. Отца репрессировали, и семья о нём больше ничего не знала. Мать с детьми решила уехать в Сибирь. Обосновались в Минусинском уезде, в деревне Большая Ничка. Отсюда Фёдор Васильевич Опарин в 1941 году ушёл на войну; ему было девятнадцать лет. При взятии Кёнигсберга получил серьёзное ранение, но крепкий молодой организм справился.

После войны Фёдор Васильевич трудился на разных работах, особенно умело строил. В начале шестидесятых годов вместе с женой и детьми приехали работать в Жеблахтинскую восьмилетнюю школу. Фёдор Васильевич был учителем трудового обучения, а Любовь Ивановна — учительницей начальных классов. Он любил учеников, а ученики любили учителя. В те же шестидесятые годы Фёдор Васильевич поступил в Абаканский педагогический институт на факультет биологии. Успешно окончил его и продолжал работать в школе. Никогда не кричал, с шутками да прибаутками урезонит шалуна — и тот не в обиде. Какой был прекрасный пришкольный участок благодаря стараниям Фёдора Васильевича! И никто не знал, что учитель наш — инвалид войны. Рука была полностью деформирована. И только однажды, когда шёл классный час, посвящённый Дню Победы, Фёдор Васильевич очень сдержанно стал рассказывать о том, как брали они девятый форт Кёнигсбергской крепости. Стесняясь слёз, учитель отвернулся к окну, а мы, дети, ошеломлённые, тихо сидели и слушали. А ещё Фёдор Васильевич очень хорошо пел. Помню, учительский коллектив разучивал народную песню «Перевоз Дуня держала», и Фёдор Васильевич был определён запевалой. От стеснения он сначала так задорно смеялся над собой, а потом вдруг зашел. Да как зашел!

В семье Опариных выросли хорошие дети, Валентина и Валерий. Фёдор Васильевич и Любовь Ивановна жизнь свою посвятили учительскому делу. Жеблахтинцы с благодарностью вспоминают о них. А в школе стоит здание мастерской, которую строил замечательный учитель, фронтовик, инвалид войны Опарин Фёдор Васильевич. И по сей день дети занимаются на уроках труда в этом здании.

6.

Иван Евменович Проноза родился в 1901 году. На защиту Родины был призван в начале войны. Закончил курсы телефонистов и попал в отдельный батальон связи помощником командира взвода связи.

Ф. В. Опарин,
И. Е. Проноза

Сложная и в высшей степени ответственная задача по обеспечению непрерывного управления войсками во время Великой Отечественной войны лежала на воинах-связистах. Связист Проноза понимал это и готов был сражаться с врагом, а в необходимых случаях боем обеспечивал работу связи.

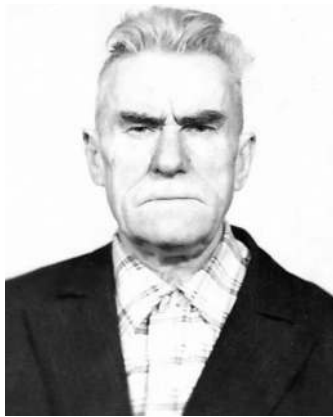
Там, где была рота Ивана Пронозы, связь была безупречной. Благодаря героическим усилиям телефонистов 45-й стрелковой дивизии, благодаря исключительной ответственности, благодаря огромному самообладанию и выдержке связистов дивизия с малыми потерями продвигалась вперёд. С 1943 по 1945 год Иван Проноза — командир отделения связи. В боях под Воронежем получил ранение в руку, но связь не оставил. Его чёткие, продуманные действия помогали продвижению советских войск при освобождении Литвы, Латвии, Эстонии от фашистского ига. Умея работать хладнокровно, не обращая внимания на артиллерийский огонь и бомбёжку авиации противника, в боях за Одером Иван Проноза принимал особо важные радиogramмы штаба. За форсирование реки Одер получил благодарность «За отличные боевые действия» Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И. В. Сталина.

Имеет правительственные награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», орден Славы III степени.

В мирное время долгие годы трудился в колхозе имени Щетинкина села Жеблахты. Это был человек высокой совести и порядочности. На него можно было положиться, поэтому долгие годы избирался председателем комиссии по народному контролю. Скромность и ответственность отличали Ивана Евменовича на любом посту. За долголетний добросовестный труд Иван Евменович Проноза в 1977 году, от имени Президиума Верховного Совета СССР, решением исполкома Красноярского краевого совета депутатов был награждён медалью «Ветеран труда».

7.

Одна из наиболее ярких страниц в истории войны связана с обороной города на Неве. В обороне Ленинграда принимали участие и славные сыны Сибири. О воинах-сибиряках сказано немало тёплых слов: Маршал К. К. Рокоссовский: «Среди

Пётр
Афанасьевич
Мараков

наших замечательных солдат сибиряки отличались особой стойкостью».

Я отдаю дань уважения и любви лучшим воинам-сибирякам, отдавшим свою жизнь за Отечество.

В 1941–1943 годах 59-я армия, целиком состоявшая из сибиряков, сыграла одну из ключевых ролей в битве за Ленинград, сдержала натиск фашистов на этом участке. Оборона Ленинграда продолжалась почти девятьсот дней. В блокированном городе, хотя эвакуация и продолжалась, осталось 2 миллиона 887 тысяч мирных жителей, в том числе около 400 тысяч детей. Запасы продовольствия и топлива были крайне ограниченны (на один-два месяца).

Вот как описывает один из эпизодов войны Виктор Константинович Петухов, 1925 года рождения, который был участником сражений под Ленинградом. «Это был страшный бой. За разведчиком-„рамой“ навалилась на нас авиация,— вспоминал ветеран.— Вначале бомбили, а потом, видно, бомбы пожалели, стали расстреливать нас с воздуха. Летели с бешеным рёвом, без глушителей. Резвясь, выкашивали оглушённых солдат. Встретить и прикрыть лыжников должны были наступающие советские войска. Так, по крайней мере, нам объяснили перед выходом на боевую задачу, но наступления так и не было. И почти вся бригада осталась навечно лежать на льду озера Ильмень». Защищая город Ленинград, Виктор Константинович Петухов, мой земляк, был тяжело ранен, контужен. Лицо было страшно изуродовано, потерял много крови. В полевом госпитале, чтобы спасти бойца, ему влили кровь, которая оказалась роковой для его будущих детей.

8.

У меня в руках пожелтевшие документы Петра Афанасьевича Маракова — переписка ветерана Великой Отечественной войны с красными следопытами из города Ишимбая Башкирской АССР. Ребятня группа «Поиск» разыскивала ветеранов 2-го Украинского фронта. В честь 35-летия Победы приглашали на встречу ветеранов участника

Великой Отечественной войны Петра Афанасьевича Маракова. Пионерка Ганзилия Хусмутдинова так и писала, что совместно с советом ветеранов хотят они заложить в праздничный день парк Десантников.

С тех пор прошло двадцать восемь лет. Давно нет в живых Петра Афанасьевича. Он так и не воспользовался приглашением — болели фронтальные раны. Одна рана — память о Румынии, когда брали город Яссы, вторая — когда форсировали реку Одер.

Я люблю эту фотографию Мараковых. На ней Пётр Афанасьевич с Дадой Родионовной уже в годах. Пётр Афанасьевич — седовласый, широкоплечий, лохматые с проседью брови, ещё живые чёрные глаза, а рядом Дада Родионовна — гладко зачёсанные волосы, собранные в пучок, весёлые, с прищуром, глаза и платье, которое ей так шло, с васильками, крепдешинное.

Родился Пётр Мараков здесь, в Жеблахтах; в 1929 году вступил в колхоз, а когда через три года отправили его учиться на курсы трактористов — согласился с радостью. До 1935 года работал на тракторе, а потом до самой финской был бригадиром тракторной бригады. В январе сорокового призвали бригадира на войну. Не успел вернуться, как новая беда, страшная беда — война с фашистами. Год проходил под бронью, в селе тоже нужны были руки, тем более мужские. В декабре сорок второго призвали и Петра. Начал служить в воздушно-десантном гвардейском стрелковом ордена Кутузова полку разведчиком.

Большими группами в разведку не ходили, чтобы не привлечь внимания противника. В Кировоградской области шли бои под городом Александрия, и надо было срочно взять «языка». Группа была направлена в Чёрные Знаменские леса. Вот и немецкие укрепления. Схватили часового, но он успел вскрикнуть. Вот тут-то и началось: скрутили ему руки, заткнули рот, а тревога уже началась. Теперь не до тишины, пришлось вступить в открытый бой. С потерями отступала группа назад, но «языка» доставили, и, как сказали позже, не зря. Немец дал очень ценные сведения.

Победу солдат встретил в Праге. Рассказывал об этих днях с особым волнением. Нет, этого нельзя забыть... Под городом Бреслау бои шли очень ожесточённые, автоматы взяли в руки даже санитарки. А как встречало население Праги освободителей! Почти в каждом окне в честь победы, в честь освобождения города были видны красные флаги.

По военным дорогам прошёл солдат Мараков Польшу, Румынию, Чехословакию, Германию. Брал тридцать девять городов, форсировал четыре больших реки, а сколько маленьких...

Закалился в боях, потерял чувство страха; разведка сделала его отважным. И по жизни потом Пётр Афанасьевич остался таким же — сметливым,

Николай
Степанович
Гогунский

храбрым и ответственным. На него можно было положиться.

В 1945-м вернулся солдат домой, в родные Жеблахты. Ждала с фронта своего Петра Дада Родионовна. Сил и здоровья на это ожидание не жалела. Ей казалось, что чем лучше она будет работать, тем быстрее разобьёт её Петя врага и домой вернётся. На фронте была своя война, а в деревне—своя: надрывались бабы, когда вместо лошади впрягались в плуг. Стирала в кровь плечи, сбивали ноги, а уж на грабки косили так, что в конце полосы в глазах становилось темно, тяжёлая кровь начинала звенеть в ушах. Дада Родионовна и ростиком-то была «с вершок», но в работе—огонь. На косьбе вторая «ручка» её была. Ни за что не отстанет от первой, а первой была Таня Бретова, которая и ростом была в два раза выше, следовательно, и размах «ручки» больше. Зимой на молотье её руки будто не чувствовали мороза. Она не умела работать в рукавицах, поэтому в шестьдесят пять полиартрит свёл Даду Родионовну в могилу.

Старый солдат, столько повидавший на своём веку, никак не мог смириться с бедой, которая накатила волной и захлестнула всё... Они чуть-чуть не дожили до свадьбы золотой. Пётр Афанасьевич сник, сжался в болочий комок, а через полгода не стало и его.

Наверное, не узнать сегодня парк Десантников: выросли деревья, постарели. Наверняка есть там и дерево, посаженное в честь Петра Афанасьевича Маракова. И если когда-нибудь та далёкая Ганзилия Хуснутдинова прочтает эти строки— пусть знает: они— для неё. Вспомните имя солдата Петра Маракова там, в парке, в День Победы.

Так любить и беречь эту землю могли только такие люди, как Пётр Афанасьевич и Дада Родионовна Мараковы. Не щадя живота своего, они отдали все силы и здоровье Отечеству. Я горжусь ими.

9.

Николай Степанович Гогунский пережил войну, остался живым, но никогда не рассказывал о себе, хотя налицо была инвалидность (пришёл с войны без ноги).

Возможно, эта закрытость в отношении темы войны была своеобразным щитом— не говорить о тяжёлом. По характеру он был человеком весёлым, даже балагуром. Его юмор, живой, сочный, иногда дерзкий, легко вплетался в разговор с человеком. Весёлые, с прищуром, глаза цепко выхватывали в человеке что-то необычное, и Николай Степанович мог легко на этом «сыграть». Редко бывало, что он пройдёт мимо «бабочек» и не зацепит их острым словом, особенно когда обходил свои владения— колхозные сады. А уж сады в колхозе действительно были гордостью садовода. Любовь к земле, к растению была исключительной. В трёх садах, заложенных Николаем Степановичем, росли белый налив, антоновка, боровинка, черешня, ранет Мелина, тунгус, челдон и много чего ещё. А какой кипенью весной зацветали эти сады! И как буйно цвела черешня и ряды сирени! Мы, ребятишки, в перемены бегали в этот сад рядом со школой. Иногда, летом, крадучись, щипали викторию, набивали за пазуху ранетку. Конечно, Николай Степанович знал о наших набегах, но всё это опять же переходило в шутки-прибаутки. Не было в нём ни обиды, ни злости. Было понимание жизни, ведь у самого главы семейства было семеро детей. И мальчишки, и девчонки— все уродились талантливыми, стали музыкантами и певцами, учителями, влюблёнными в искусство.

Поднять всех детей, поставить на ноги, как говорили на Руси, тоже было великим подвигом солдата. Скромная и безответная Евдокия Григорьевна была настоящей матерью-героиней. Обстирать, накормить, одеть, вложить в головушки детей доброе и светлое было делом не лёгким. И никаких тебе пособий, капиталов... Женские заботы были полностью на её плечах. Однако трудности в этой семье воспринимались как что-то естественное. Может быть, шутки Николая Степановича были крепкой поддержкой всей семье. И когда случился пожар, сгорело жильё и всё, что в нём было, Николай Степанович вынес это горе как солдат Великой Победы. Односельчане помогли кто чем мог. Неулыбчивость и неразговорчивость так и не победили главу семейства. Он оставался всё тем же оптимистом по жизни: стойким, мужественным, способным выживать в любой ситуации. Не зря ведь учил своих сыновей в мирной жизни преодолевать трудности: учил добывать огонь, стрелять, удить рыбу. А как любил петь, играть на гармошке, на балалайке! Серебряный голос отца передался всем его детям. Отец гордился детьми, когда они выступали на сельской сцене. И всегда сидел в первых рядах.

И только однажды Николай Степанович очень скупо рассказал о своей войне, которая была спрятана глубоко внутри. По причине того, что отец Николая Степановича был болгарин, его во время войны отправили в трудовую армию. Однако

Николай просит направить его добровольцем на фронт. Окончив курсы младших командиров, попадает в Сибирскую дивизию. Во время одного из боёв ему оторвало ногу. Долго лечился в госпитале. Комиссовали в конце войны.

Помнить своего отца-героя дети будут всегда. Старший сын, Василий Николаевич Гогунский, является организатором известного ансамбля «Клай», который выступает не только в России, но и за границей. Сорок пять лет он отдал музыке, песне, искусству. И если в День Победы соберётся всё большое семейство Гогунских, то непременно посвятят отцу и матери любимую песню семьи «Эх, дороги».

10.

Декабрь 1941 года. Враг рвётся к Москве. В это опасное для страны время получил повестку из военкомата Григорий Кибанов. В Абакане определили его в полковую школу младших командиров, а через месяц отправили на фронт. Прибыли на станцию Котельнич Кировской области. Всю зиму изучали тактику ведения боя с танками противника. К тому времени наши войска отбросили немцев на сотни километров от столицы и перешли в контрнаступление. В апреле сорок второго года молодые бойцы, в числе которых был и Григорий Кибанов, должны были отправиться на передовую.

В Горьковской области формировался 11-й танковый корпус, куда вошли две танковые бригады и две бригады мотопехоты. В одной из них и служил Григорий Кибанов. Получили английские танки «Матильда» и американские автомашины «Студебекер». В июне отправили мотопехоту на передовую под Тулу. Расположились недалеко от музея-усадьбы Л. Н. Толстого.

— Тут мы впервые попали под бомбёжку вражеской авиации, — рассказывает Григорий Егорович. — Самолёты появились неожиданно. Они

сбрасывали бомбы, поливали нас пулемётным огнём. Много наших солдат погибло. Вот с такого боевого крещения и началась моя фронтовая дорога. От взрыва бомб и снарядов брёвна домов разлетались в разные стороны. Стоял нестерпимый гул, дым, смрад. Только стихла бомбёжка, немцы пошли в наступление. Вот тут-то и заработали наши танки, бронемшины, которые пережидали налёт авиации в Сухой балке в стороне от села. До января сорок третьего сдерживали натиск вражеских войск. С боями дошли до Сумской области (граница с Украиной). За сметливость и отвагу меня перевели во взвод разведки. Наши войска готовились к наступлению, разведчикам предстояло как можно больше раздобыть сведений о противнике. И они блестяще справились с поставленной задачей. На территории Западной Украины начались затяжные кровопролитные бои. Приходилось воевать не только с немцами, но и помогать местному населению «выкуривать» из лесов бандеровцев.

Война подходила к концу и привела солдата Кибанова к воротам Германии. — Весной взяли Берлин и на реке Эльбе встретились с американскими войсками, — рассказывает Григорий Егорович. — Здесь же в прибрежном лесу услышали мы долгожданное известие: Победа! Сразу же после этого наш полк перевели на остров Рюген (город Цинст). Началась демобилизация. Старших по возрасту бойцов отправили домой, а нас, молодых, определили учиться на курсы шофёров в Грейсвальд.

Демобилизовался Григорий Егорович только в 1947 году.

Храбро воевал сибиряк. Его грудь украшает множество боевых наград: медали «За отвагу», «За форсирование Днепра», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». За спасение полкового знамени Григорий Егорович награждён орденом Красной Звезды.

Окончание следует